

КОВЕНАНТ ИЛИ КОРОЛЬ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА ДЖЕЙМСА МОНТРОЗА

Крыжановский Андрей Владимирович

кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений
Zibit-76@yandex.ru

FOR COVENANT OR KING: JAMES MONTROSE'S POLITICAL DILEMMA

A. Kryzhanovskiy

Summary: The phenomenon of changing political sides is an inseparable part of any revolutionary process. Not a few cases of royalists' change to the revolutionary camp are known in history. But the examples of the reverse change come rarely enough and therefore provoke a particular interest. In the Russian historiography there are no special papers dedicated to the personality and political activities of James Graham. Given study has laid the foundation of research in the field of the above-mentioned range of problems. The article traces the formation and subsequent transformation of political positions of count Montrose – one of the prominent leaders of Scottish covenanters who changed to the camp of Charles I's proponents – in the context of Bishops' wars (1639-1640) and the English revolution (1640-1653). Within the compass of the conducted study the concept of sovereignty elaborated by Montrose has been examined; its similarities and differences compared to medieval notions of power have been defined; the discrepancy between James Graham's political discourse and Covenant's political practice has been elicited. The final inference lies in the fact that the deepening contradiction between Montrose's notions of the sovereign power's nature and functions and the growing radicalism of Covenant movement which virtually deprived the English king of his authorities became the predominant reason for count Montrose's change to the royalist camp. The author has also spotted the prospects for further research of James Graham's personality against the background of revolutionary events in Scotland.

Keywords: Montrose, Covenant movement, Bishops' wars, revolution in Scotland, revolution in England, Scottish royalists.

Аннотация: Феномен смены политических лагерей является неотъемлемой частью любого революционного процесса. История знает немало случаев перехода роялистов в лагерь революционеров. Однако примеры обратного перехода встречаются достаточно редко и потому вызывают особый интерес. В отечественной историографии не существует специальных работ, посвященных личности и политической деятельности Джеймса Грэма. Данное исследование положило начало изучению указанной проблематики. В статье прослеживается становление и последующая трансформация политических позиций графа Монтроза – одного из выдающихся лидеров шотландских ковенантеров, перешедшего в лагерь сторонников короля Карла I Стюарта, – в контексте Епископских войн (1639-1640 гг.) и Английской революции (1640-1653 гг.). В рамках проведенного исследования была рассмотрена разработанная Монтрозом концепция суверенитета; определены ее сходства и отличия сравнительно со средневековыми представлениями о власти; выявлено несоответствие между политическим дискурсом Джеймса Грэма и политической практикой Ковенанта. Итоговый вывод состоит в том, что доминирующей причиной перехода графа Монтроза в лагерь роялистов стало углублявшееся противоречие между монтрозовскими представлениями о природе и функциях верховной власти и радикализацией ковенантерского движения, фактически лишившего английского короля властных полномочий. Автор также определил перспективы дальнейшего изучения личности Джеймса Грэма на фоне революционных событий в Шотландии.

Ключевые слова: Монтроз, ковенантерское движение, Епископские войны, революция в Шотландии, революция в Англии, шотландские роялисты.

Джеймс Грэм (1612-1650), пятый граф Монтроз, первый маркиз Монтроз, пожалуй, является наиболее парадоксальной фигурой в истории Шотландии. В нем органично сочетались, на первый взгляд, несочетаемые ипостаси: военачальник, привыкший к суровым условиям походной жизни, и утонченный аристократ, сочиняющий стихи в тишине уютного семейного гнезда; истовый пресвитерианин, борющийся за свободу шотландского народа и возмущающийся его угнетением, и жестокий средневековый воин, отдающий захваченный Абердин на разграбление шотландским горцам и их ирландским союзникам; один из лидеров ковенантерского движения, направленного на защиту религии, прав и свобод шотландского народа, и убежденный роялист, пытающийся восстановить в Шотландии королевский

суверенитет.

Последняя из перечисленных дихотомий предопределила печальную судьбу Монтроза в советской историографии: жизнь и политическую деятельность Джеймса Грэма не удостоили ни специальными исследованиями, ни даже короткими статьями в энциклопедиях. На фоне общей позитивной оценки английской буржуазной революции популяризация сторонника Карла I Стюарта была немислима в советское время. Советский читатель имел возможность познакомиться с Монтрозом только на страницах знаменитого романа В. Скотта «Легенда о Монтрозе» [2]. Однако в комментариях к этому произведению указывалось, что Джеймс Грэм изображен колеблющимся полководцем, лишенным целеустремлен-

ности и стойкости; им руководят честолюбие и жажда мести, а выдвигаемые Монтрозом монархические лозунги не способны «увлечь по-настоящему воинов-горцев, так как интересы Карла I остаются глубоко чуждыми народу» [2, с. 644]. Марксистская критика не пощадила даже литературный образ шотландского графа, перешедшего на сторону роялистов. Как ни странно, но «революционная инерция» сохраняется и в современной отечественной историографии. Результат такой же, как и прежде: ни одной специальной работы и отсутствие статьи в широко рекламируемой БРЭ.

Представляется, что подобное отношение к человеку, которого шотландцы ставят в один ряд с Робертом Брюсом и Уильямом Уоллесом, вряд ли можно считать справедливым. За время революции и гражданской войны в Шотландии Монтроз успел занять ведущие позиции в каждом из противоборствующих лагерей, поэтому особенно интересно выяснить, каким образом лидер ковенантеров превратился в лидера роялистов.

Формирование личности и политических взглядов Джеймса Грэма проходило в 30 – е гг. XVII в. в атмосфере усиливавшегося недовольства широких слоев населения Шотландии политикой Карла I Стюарта. Наиболее чувствительными ударами по шотландскому государству и церкви стали Акт о ревокации (1625 г.) и Каноны для Шотландии (1636 г.).

Согласно Акту о ревокации, короне возвращались все земельные пожалования, сделанные от имени шотландских королей, начиная с 1540 г. В качестве альтернативы шотландские дворяне имели возможность выплатить Карлу I денежную компенсацию, но, разумеется, оба варианта воспринимались крайне негативно. Вдобавок, новый закон предписывал восстановить дореформационный порядок выплаты десятины: реципиентом снова становилась церковь в ущерб интересам светской знати [1, с.87].

Если ревокационные мероприятия вызвали протест только со стороны шотландской аристократии, то «Каноны для Шотландии» буквально взорвали все общество, поскольку их реализация означала полный демонтаж реформированной пресвитерианской церкви и насаждение англиканства, которое в сознании многих верующих ассоциировалось с католицизмом: вся власть в епархиях передавалась епископам (пресвитеры и генеральная ассамблея в документе даже не упоминались); запрещалось проводить свободные молебны вне церквей; священников обязывали использовать новый молитвенник, составленный по образцу англиканского; наконец, пресвитерианская проповедь заменялась англиканской литургией [1, с.88].

Многочисленные петиции от всех шотландских сословий, направлявшиеся в Тайный совет в условиях на-

родных волнений в Эдинбурге, были оставлены королем без внимания: Карл I не сумел своевременно проявить политическую гибкость и в итоге упустил момент для мирного урегулирования конфликта.

В 1637 г. в ответ на индифферентность монарха пресвитерианская оппозиция сформировала параллельные структуры власти в виде четырех комитетов («столов»), представлявших различные сословия, и главного комитета, выполнявшего функции правительства. Появление организованной оппозиции побудило Карла I издать снисходительную прокламацию, в которой он обещал прощение петиционерам, если они разойдутся по домам. Это переполнило чашу терпения пресвитериан: 19 февраля 1638 г. главный комитет выпустил знаменитый манифест под названием «Национальный Ковенант». В нем осуждались папизм и англиканские нововведения в шотландской церкви, предлагалось вернуть статус-кво, установленный в правление Иакова I, и содержался могучий призыв к сплочению всех шотландцев. Была организована массовая кампания по сбору подписей в поддержку Ковенанта [1, с.88].

В сложившихся условиях граф Монтроз, незадолго до этого вернувшийся из военной стажировки во Франции, оказался в авангарде радикализующегося ковенантерского движения. Он принял активное участие в Епископских войнах (1639-1640 гг.), выступая и в качестве переговорщика (переговоры с университетом Абердина, Бервикские переговоры с Карлом I), и в качестве военачальника (победа над кланом Гордонов, арест лидера роялистов Хантли, захват Абердина).

Неудивительно, что в соответствии с королевской прокламацией 1639 г., Монтроз вошел в число девятнадцати ведущих ковенантеров, которые обвинялись в измене и не могли рассчитывать на королевское прощение [7, р. 141]. Однако это обстоятельство не озлобило Джеймса Грэма: он спокойно вел переговоры с королем, тщетно пытаясь убедить его в необходимости ликвидации епископата и утверждения Ковенанта. Но после того, как шотландский парламент исключил из своего состава епископов, Монтроз начал маневрировать и выдвинул пророялистское предложение: предоставить королю право назначать своих представителей в Комитет статей, подготавливающий законопроекты для парламентских слушаний. Реакция радикально настроенного пресвитерианского большинства оказалась вполне ожидаемой: инициативу графа не просто отвергли, но еще и упразднили Комитет статей, подлежащий, по мнению Джеймса Грэма, консервативным преобразованиям.

Постепенно назревал конфликт Монтроза с влиятельным графом Аргайлом из клана Кэмпбеллов, который отказывался от попыток найти компромисс в отношениях с королем и приобретал все большую по-

пулярность среди ковенантеров. В августе 1640 г., реагируя на усиление олигархических тенденций в руководстве ковенантерского движения, Джеймс Грэм вместе с семнадцатью единомышленниками подписал так называемую «Камбернодскую клятву», обязуясь противодействовать «скрытому правлению немногих», соблюдать букву и поддерживать истинный дух Ковенанта «перед лицом угрозы нашим жизням, состояниям и поместьям», «...дабы обеспечить безопасность религии, законов и свобод этого несчастного королевства» [6, р. 269-270].

Тем не менее в возобновившейся войне (Вторая епископская война) Монтроз храбро сражался на стороне Ковенанта, невзирая на личную неприязнь к Аргайлу: интересы Родины для него всегда были на первом месте. Более того: пытаясь исправить положение, Монтроз обратился к Карлу I с просьбой о посредничестве в его конфликте с Аргайлом, и король, стремившийся после поражения во Второй епископской войне найти опору в лице умеренных ковенантеров, ответил графу. Королевское письмо было перехвачено людьми Аргайла, что послужило основанием для ареста Монтроза 11 июня 1641 г. И только личное вмешательство короля, приехавшего в Шотландию осенью, чтобы наконец-таки утвердить пресловутую отмену епископата, позволило графу выйти на свободу. Понятно, что в результате этих событий произошло значительное ослабление позиций Джеймса Грэма в ковенантерском движении: граф дискредитировал себя тайной перепиской с королем [3, р. 262; 7, р. 211].

Соответственно, возникает закономерный вопрос: чем же была обусловлена лояльность Монтроза по отношению к монарху, который изначально воспринимал его как заклятого врага, лояльность, в конечном счете обернувшаяся крушением «революционной карьеры» графа и его гибелью в борьбе против недавних союзников?

Ответ следует искать в политическом кредо Джеймса Грэма. Граф лаконично, но при этом изящно изложил свои представления о принципах государственного управления в письме, составленном в период между осенью 1640 и летом 1641 г. и адресованном некоему «благородному господину» (предположительно, либо лорду Нейпиру, либо сэру Драммонду) [4, р. 98].

В фокусе внимания Монтроза анализ проблемы суверенной власти. Если исходить из того, рассуждает Джеймс Грэм, что любое государство нуждается в стабильном управлении, тогда должен существовать неоспоримый центр власти, именуемый суверенитетом, или «верховой властью над людьми». Суверенитет ограничен законами Бога и природы, а также фундаментальными законами государства, которые, в частности, включают в себя нормы морали, исторические традиции и обычаи [5, р. 288]. Но перечисленные ограничения, относящиеся к сферам религии, морали, конституционного устрой-

ства, являются неотъемлемыми атрибутами верховной власти, изначально присущими ей, - они не привносятся извне. Из этого следует, что функции суверенной власти «неотчуждаемы, неделимы и не передаваемы» конкурирующим властным структурам, независимо от формы правления [5, р.289]. Свободные люди на практике делегируют суверенную власть королю, как в Англии; совету нобилей, как в Венеции; сословиям нации, как в древнем Риме. Если «верховная власть разделена между несколькими органами, тогда нет правительства, подобно тому, как если бы в одном королевстве было много королей, это означало бы, что в действительности нет ни одного короля» [5, р. 289].

При этом Монтроз не выступает в качестве ревностного адвоката монархии: он защищает монархию лишь постольку, поскольку она является формой суверенитета, принятой населением Шотландии. Он продолжает анализировать природу королевской власти. Королевская власть сильна своей умеренностью и осознанием собственных моральных и конституционных ограничений; слабость монархической власти состоит в выходе за пределы установленных законов. Слабую власть, по Монтрозу, не могут терпеть люди, живущие в западной части мира и, в частности, шотландцы. Однако чрезмерное сдерживание королевской власти ничем не лучше чрезмерного ее расширения. Ни одна группа людей не должна захватывать часть суверенитета, ибо при разделении суверенной власти возникает анархия, которую Монтроз характеризует как «гнет и тиранию подданных, самую жестокую, ненасытную и нестерпимую тиранию в мире» [5, р. 290-291]. Джеймс Грэм выступает за свободные и часто созываемые парламенты, занимающие жесткую позицию в отношении монарха, поправшего закон. Но если суверенитет передан народом монарху на определенных условиях, он должен быть нерушимым до тех пор, пока соблюдаются данные условия. Парламенты стоят на страже свобод подданных в такой же мере, в какой они защищают права, делегированные суверенному монарху [5, р. 292].

Угрозы суверенитету, а, следовательно, и причины анархии Монтроз усматривает в «честолюбивых замыслах прихода к власти, скрывающихся под благовидным предлогом защиты религии и свобод подданных...» [5, р. 292]. Подобные планы, характерные для аристократии («great men»), как правило, подкрепляются пятью аргументами:

- во-первых, король предначертано свыше служить народу, и цель в данном случае благороднее любых средств;
- во-вторых, учредитель конституции выше избирателя;
- в-третьих, король и народ суть две противоположности: когда одна чаша поднимается, другая опускается;

- в-четвертых, королевская прерогатива и привилегии народа несопоставимы;
- в-пятых, власть, отбираемая у короля, добавляется сословиям нации [5, р. 292]

Лжеймс Грэм подвергает резкой критике перечисленные аргументы. Первые два пункта не означают, что свободной монархии присущ абсолютизм в какой-либо форме; монархия должна быть возвышена в разумной мере, поскольку в ее возвышении заключена безопасность подданных. Ответ на оставшиеся три пункта Монтроз суммирует в пламенном обращении к простому народу Шотландии: «А вы, шотландцы из низших сословий, не способные установить республику по многим серьезным причинам, - почему же вы подверглись благовидных намерений и, нанося себе огромный ущерб, согласились стать орудием чужих амбиций? Разве не понимаете вы, что, когда сотрясается монархическое правление, сильные мира сего борются за венок победителя вашей кровью и вашим богатством? Таким образом, вы не получаете ничего. Но вместо династии королей, которые управляли Вами две тысячи лет на основе мира и справедливости и сохранили ваши свободы в борьбе со всеми доминирующими нациями, вы приобретете стервятников и тигров, которые будут править вашими потомками, а сами вы будете терпеть все эти несчастья, кровавые бойни и проскрипции римского триумvirата до тех пор, пока королевство снова не упадет в руки одного, который в силу необходимости и по причинам государственного интереса будет тиранить вас. Ибо королевства, приобретенные кровью и насилием, удерживаются такими же способами» [5, р. 294].

Слова Монтроза можно считать пророческими, так как в грядущем тиране легко угадывается Оливер Кромвель, организовавший кровавые походы в Шотландию и уничтоживший все свободы шотландского народа.

Однако концепция суверенитета, выдвинутая Джеймсом Грэмом, интересна не только своим пророческим потенциалом. В ряде аспектов она отличается от роялистских представлений о власти, характерных для XVI-XVII вв.

Во-первых, Монтроз не отождествляет суверенитет с монархией: он готов принять любую форму правления, которая выполняет требования, предъявляемые народом к государственной власти.

Во-вторых, Монтроз не упоминает о божественном происхождении монархической власти и не защищает принцип пассивного повиновения монарху.

В-третьих, концепция Монтроза, несмотря на переклички с идеями Д. Фортескью и Ж. Бодена, не является результатом сугубо теоретических изысканий: Джеймс

Грэм выводит теорию из практики собственных наблюдений за происходящими в Шотландии событиями. Ему чужда метафизика: прагматичный подход графа направлен на то, чтобы отвести угрозу анархии, предотвратить полную дезорганизацию государственного устройства. И это вполне соответствовало конкретно-историческим условиям Епископских войн, в которых Грэм принимал самое активное участие на стороне Ковенанта.

Вместе с тем в политическом дискурсе Монтроза присутствуют два традиционалистских элемента, характеризующих графа как сына своего времени.

Во-первых, Монтрозу присущи представления о фундаментальных законах, которые не могут быть изменены ни волей монарха, ни решениями парламента. Здоровье нации, утверждает Джеймс Грэм, как и телесное здоровье, зависит от слаженной работы всех ее членов: каждый из них не может выходить за пределы своих функций. Монархия, очищенная от автократических тенденций, представлялась Монтрозу наиболее жизнеспособной частью государственного организма, дающей импульс работе остальных его частей. Второстепенность парламента вполне объяснима: Джеймс Грэм критически относился к деятельности шотландского парламента, который узурпировал функции суверена, но не смог проводить конструктивную политику и превратился в яблоко раздора между шотландской киркой и аристократией.

Во-вторых, речь идет об отношении Монтроза к демократии. Он, безусловно, не являлся либеральным демократом в современном понимании, но в то же время и в теории, и на практике был демократичнее большинства представителей своего поколения. Он считал, что законы служат единственной надежной защитой простого человека; любое нарушение равновесия в распределении общественных обязанностей только укрепляет власть той или иной олигархической фракции, но вовсе не расширяет народные свободы. Анализ политической обстановки в Шотландии приводит Монтроза к заключению, что простой народ в этой стране «не способен к суверенитету в большей степени, чем любой другой народ» [4, р. 103].

Согласно воззрениям Джеймса Грэма, главная цель правительства состоит в том, чтобы обеспечить нации свободную, безопасную и упорядоченную жизнь. Способы достижения этой цели могут варьироваться в зависимости от требований времени и местных условий, однако основной способ остается неизменным при любых обстоятельствах, а именно – наличие эффективной центральной власти, «которая объединяет и инкорпорирует людей в одно политическое тело, дабы совместными усилиями и стараниями они могли лучше способствовать достижению общего блага» [5, р. 288].

Действия шотландских ковенантеров были в конечном счете направлены на присвоение функций верховной власти (т.е. суверенитета). Именно по этой причине, исходя из традиционалистского принципа неделимости суверенитета, Монтроз перешел на сторону короны. В его понимании население Шотландии не могло доверить суверенитет двум конфликтующим властным структурам, претендовавшим на представление интересов народа. Добившись восстановления пресвитерианского вероисповедания и церковной структуры, защитив права и свободы шотландцев, Ковенант не имел права посягать на светскую власть, ибо это противоречит принципу органического единства государства и является вопиющим нарушением фундаментальных законов.

Окончательный разрыв Монтроза с ковенантерским движением был обусловлен крепнувшими связями шотландской кирки с парламентской партией пресвитериан в Англии. Как известно, кульминационным моментом этого сближения стало образование в 1643 г. «Торжественной лиги и Ковенанта» – религиозно-политической структуры, оформившей союз шотландских и английских пресвитериан в борьбе против Карла I Стюарта. В глазах Джеймса Грэма шотландские пресвитериане превратились в соучастников мятежа против короля, сталкивающих страну в бездну анархического произвола. Таким образом, узурпация Ковенантом верховной власти, равно как и прямое предательство по отношению к законному монарху, который, пусть и с большим опозданием, но все же утвердил все революционные преобразования в Шотландии, сыграли ключевую роль в переходе Монтроза в лагерь роялистов.

Как это ни парадоксально, но окончательный успех ковенантерской революции во многом зависел от союза с роялистами. Выступив в гражданской войне на стороне английского парламента, шотландские ковенантеры способствовали победе парламентской армии над Карлом I и укреплению революционной власти в Англии, но при этом спровоцировали гражданскую войну в своей

стране, сопровождавшуюся переходом в лагерь противника такой важной фигуры, как Монтроз. После того, как английских пресвитериан свергли индипенденты, судьба шотландских революционеров была предрешена: они оказались ненужными новой власти ни в религиозном, ни в военно-политическом отношении, а их земли стали рассматриваться как объект захватнической политики. Лишившись поддержки роялистов и не сумев преодолеть внутренние противоречия, Ковенант обескровил Шотландию, сделав ее слишком уязвимой перед лицом будущих карательных экспедиций английской армии Кромвеля. В итоге действительность превзошла самые мрачные прогнозы Джеймса Грэма: Ковенант потерпел поражение, а Шотландия утратила обретенную в боях независимость. Самого же Монтроза, казненного в 1650 г., посмертно реабилитировали уже во времена реставрации Стюартов.

В рамках проведенного исследования была рассмотрена разработанная Монтрозом концепция суверенитета; определены ее сходства и отличия сравнительно со средневековыми представлениями о власти; выявлено несоответствие между политическим дискурсом Джеймса Грэма и политической деятельностью Ковенанта; сделан вывод о доминирующей причине перехода Монтроза на сторону короны.

Достигнутые результаты позволяют получить достаточно полное представление о монтрозовской концепции суверенитета и обстоятельствах перехода Джеймса Грэма в лагерь роялистов. Вместе с тем ограниченный объем статьи не дает возможности расширить биографический и политический контекст формирования дискурса Грэма. Соответственно, перспективным направлением исследований является создание полноценной политической биографии Монтроза, а также фундаментальных работ, посвященных революции и гражданской войне в Шотландии. Остается выразить надежду, что все это осуществится в недалеком будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратьев С.В. Английская революция XVII века. М.: Издательский центр «Academia», 2010.
2. Скотт В. Собрание сочинений. Т.7. М., Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
3. Baillie R. The letters and journals of Robert Baillie. Vol. 1. Edinburgh: David Lang, 1841.
4. Buchan J. Montrose. A history. London: Thomas Nelson and Sons, 1928.
5. Montrose J. [On sovereign power]. A letter to a noble sir. In: Buchan J. Montrose. A history. London: Thomas Nelson and Sons, 1928.
6. Napier M. Memoirs of the Marquis of Montrose. Vol.1. Edinburgh: Thomas. G. Stevenson; London: Hamilton, Adams and Co, 1856.
7. Stevenson D. The Scottish revolution. 1637-1644. The Triumph of the Covenanters. Newton Abbot: David and Charles Ltd, 1973.

© Крыжановский Андрей Владимирович (Zibit-76@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»